

ГЕРОИЧЕСКАЯ СИМФОНИЯ РУССКОЙ СЦЕНЫ

НЕДАВНО был торжественно отмечен знаменательный юбилей. Марии Николаевне Ермоловой исполнилось сто тридцать лет. Сознательно говорю «исполнилось», а не «исполнилось бы», потому что и сегодня она с нами. Не только воспоминаниями, но самим духом того, что мы почитаем в искусстве,— ермоловским пониманием гражданской ответственности, общественной значимости театра, силы его воздействия на умы и сердца современников, высочайшей этики артиста, подвижничеством всей жизни в искусстве.

«Неотразимо Ваше облагораживающее влияние. Оно воспитало поколения. И если бы меня спросили, где я получил воспитание, я бы ответил: в Малом театре, у Ермоловой и ее сподвижников» — так писал Константин Сергеевич Станиславский Марии Николаевне Ермоловой в день 50-летия ее сценической деятельности.

«Через Вас совершалось чудо театра, когда целые поколения воспитывались, вдохновляемые созданными Вами образами... Вы делаете великим наше общее искусство», — говорил Владимир Иванович Немирович-Данченко на юбилейном вечере 2 мая 1920 года.

Так определили значение Ермоловой для русской сцены выдающиеся театральные деятели, создатели Московского Художественного театра.

Имя Марии Николаевны Ермоловой стало знаменитым сразу, после первого в ее жизни спектакля. Он состоялся 30 января 1870 года, когда она, «казенная воспитанница» Московского театрального училища, заменила в «Эмилии Галотти» Лессинга знаменитую Федотову.

Ермоловский талант был великим даром природы. Все в ней — ее душевный строй, темперамент, голос, внешность — говорило о предназначении искусству, было отмечено печатью избранничества.

Внучка бывшего крепостного скрипача, дочь супфера Малого театра, Ермолова с детства видела себя артисткой. Сидя вместе с отцом в супферской будке, она смотрела спектакли с участием Никилиной-Косицкой и Пропа Садовского, Медведевой и Федотовой, Щепкина. Весь мир был для нее театр, а сцена была единственной реальностью, вне которой она не представляла своей жизни.

После первого же ее спектакля зрители и товарищи по искусству связывали с именем Ермоловой надежду русской сцены. И она их оправдала. Связанная тесно с передовой русской интеллигенцией, молодая артистка в полной мере осознавала общественную миссию театра. Сама она называла два источника формирования ее общественных и эстетических взглядов — Московский университет и Общество любителей российской словесности, которое избрало Ермолову в 1895 году в связи с 25-летием ее сценической деятельности своим почетным членом. Она была первой артисткой, избранной членом общества, в котором в разное время состояли Жуковский и Пушкин, Гоголь и Тургенев, Островский и Достоевский, Лев Толстой и Чехов.

Молодая актриса жадно

тянулась к знанию, изучала историю, эстетику, философию, была знакома с произведениями Белинского, Добролюбова, Герцена.

Ермолова выразила в своем творчестве передовые идеи времени. Выбрав для своего первого бенефиса

пьесу Лопе де Вега «Овчий источник», в образе испанской девушки Лауренции, поднявшей народ на борьбу с тираном, она выражала мысли и чаяния своих молодых современников. Вот почему демократически настроенная молодежь превращала каждое представление этого спектакля в политическую демонстрацию. Ермолова стала выразительницей их настроений и надежд, она стала их кумиром и их знаменем. И она стремилась ответить на эту любовь своим творчеством.

Затем Ермолова сыграла Иоанну в «Орлеанской деве» Шиллера, драматурга, близкого актрисе романтическим пафосом, образами героев-бунтарей, благородными идеями и трагической напряженностью борьбы. Успех Ермоловой в этой роли был поистине триумфальным. После одного из представлений зрители преподнесли актрисе меч как символ ее

искусства. Роль Иоанны Ермолова играла в течение шестнадцати лет и скромно считала исполнение ее «своей единственной заслугой перед русским обществом».

В 1886 году Ермолова поставила в свой бенефис «Марию Стюарт». Об ее исполнении образа Марии Южин говорил, что это была уже не «сценическая правда», а «истина — вершина вершин».

Выступая в пьесах Шиллера, Шекспира, Лопе де Вега, других зарубежных классиков, Ермолова не только знакомила зрителя с их творчеством, являясь часто первой исполнительницей той или иной роли на русской сцене, она создала свою традицию, соединив творческие принципы этих драматургов с эстетикой русской актерской школы.

Всю жизнь сопровождали актрису и образы Островского, которого она называла «великим апостолом жизненной правды, простоты и любви к меньшому брату». Ермолова сыграла около двадцати ролей в его пьесах, некоторые из них готовила под руководством автора. В одной из записок драматург с гордостью писал: «Для Федотовой и Ермоловой я — учитель».

2 мая 1920 года советское искусство отмечало полувесковой юбилей сценической деятельности Марии Николаевны Ермоловой. Совет Народных Комиссаров по инициативе В. И. Ленина утвердил новое звание — народной артистки республики — и присвоил его Ермоловой.

В день своего юбилея она сыграла третий акт из «Марии Стюарт».

Вместе с делегацией ленинградских актеров я, ученик Школы русской драмы, был в тот вечер в зале Малого театра и вместе со всеми был потрясен тем, с какой легкостью выбежала артистка на сцену, с каким темпераментом сыграла встречу Марии с Елизаветой, воскресив на несколько мгновений одно из самых совершенных своих творений.

Ермолова была великой актрисой, выразительницей духа народного. Она была актрисой вдохновения, порыва, но она была и великим труженицей в искусстве. Многие, кто писал о Ермолове,

повторяют слово «истина». Не правда, не достоверность, а нечто большее — истинна отличала ее искусство. Она никогда ничего не изображала на сцене, она все проживала, поэтому никто так и не смог до конца объяснить ее искусство, в котором сочетались мочаловская и щепкинская традиции.

ЖИЗНЬ Ермоловой была примером служения искусству. Ощущение избранности актерского поприща делало артистку неподвластной суете, борьбе мелочных интересов и самолюбий. Признанная при жизни великой, она была удивительно скромна. «Ax! Зачем Вы не побывали в свое время в Европе? — писал ей Станиславский в 1922 году. — Тогда все бы знали, что первая артистка мира не Дузэ, а наша Мария Николаевна».

Она любила свой театр — Малый, он был для нее родным домом, где все ей было дорого. Она была внимательна к партнерам, своим отношенiem к искусству не

только создавала высоконравственную атмосферу в театре, но и объединяла в каждом спектакле актеров в ансамбль, о чем с такой признательностью говорили ее любимые партнеры — Ленский и Южин.

Ермолова была истинно современная артистка еще и потому, что все ее интересовало в театральном искусстве. Она с интересом следила за успехами молодого Художественного театра, а к творчеству Станиславского проявляла интерес еще в те годы, когда он был в Обществе искусств и литературы, спектакли которого она регулярно посещала. В 1890 году она пригласила Станиславского сыграть вместе с ней «Беспряданницу» в Нижнем Новгороде. Вспоминая об этой поездке, Станиславский писал: «Незабываемый спектакль, в котором, казалось мне, я стал на минуту гениальным. И неудивительно: нельзя было не заразиться талантом от Ермоловой, стоя рядом с ней на подмостках».

Ермоловский период — одна из самых ярких страниц в истории Малого театра, тогда и получившего название «второго университета». Это было время торжества принципов реалистического искусства. Они утверждались в творчестве Ермоловой, Ленского, Южина, Садовской, других замечательных мастеров Малого театра, в сценическом искусстве которых традиции Щепкина и Мочалова, объединенные органично, творчески, не только дали образец подлинно реалистического искусства, но и расширили представление о самом реализме, определили генеральную линию нашего театра, которой мы следуем и сегодня. Стремление к высотам такого искусства и есть одна из главных ермоловских традиций, к овладению которой и должна идти наша молодежь.

Ермоловский период — одна из самых ярких страниц в истории Малого театра, тогда и получившего название «второго университета». Это было время торжества принципов реалистического искусства. Они утверждались в творчестве Ермоловой, Ленского, Южина, Садовской, других замечательных мастеров Малого театра, в сценическом искусстве которых традиции Щепкина и Мочалова, объединенные органично, творчески, не только дали образец подлинно реалистического искусства, но и расширили представление о самом реализме, определили генеральную линию нашего театра, которой мы следуем и сегодня. Стремление к высотам такого искусства и есть одна из главных ермоловских традиций, к овладению которой и должна идти наша молодежь.

Значение Ермоловой в русской жизни высоко оценено Советским правительством. В Москве есть улица и Театр имени Ермоловой. Дом ее превращен в музей. Все это свидетельства общенародного признания великой артистки, гордости русского театра.

Мария Николаевна Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.

Ермолова, «героическая симфония русской сцены», портрет которой Немирович-Данченко предлагал повесить среди портретов великих борцов за свободу, и сегодня с нами. Она в нашей памяти, в наших сердцах, в нашем искусстве и — в нашем будущем.